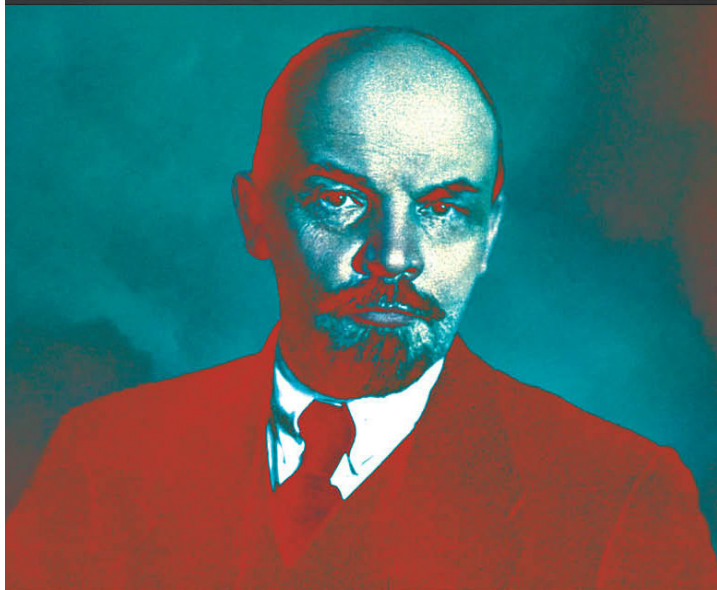

МИХАИЛ ШТЕЙН

УЛЬЯНОВЫ И ЛЕНИН

ТАЙНЫ
РОДОСЛОВНОЙ
ВОЖДЯ

Михаил Гиршевич Штейн
Ульяновы и Ленины.
Тайны родословной вождя
Серия «Документальный триллер»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5018622
Ульяновы и Ленины. Тайны родословной вождя / М.Г.Штейн:
Алгоритм; Москва; 2021
ISBN 978-5-00180-025-5

Аннотация

На протяжении многих десятилетий даже исследователи жизни и деятельности В. И. Ульянова (Ленина) почти ничего не знали о его происхождении. А те, кто знали, не имели возможности говорить правду. Советская власть обнародовала версию о русском происхождении Ленина, тем самым полностью перечеркнув всю его семейную генеалогию.

В книге М. Г. Штейна рассматривается истинная родословная В.И. Ленина, история его предков по отцовской и материнской линии и ближайших родственников, в том числе немецких родов Курциусов, Вайцеккеров и др.

Автор использует в своей книге документы и материалы из многочисленных российских архивов и работы немецких и шведских исследователей.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Тайна сейфов центрального партийного архива (вместо введения)	5
Глава 1	12
1. Дело № 59	12
2. Преодоление черты оседлости	21
3. Восприемники	27
Глава 2	36
1. Опасная находка в Житомире	36
2. Шагинян продолжает борьбу	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Михаил Штейн

Ульяновы и Ленины.

Тайны родословной вождя

*Моей жене Маргарите Павловне и сыновьям
Игорю и Александру посвящается*

**Тайна сейфов центрального
партийного архива
(вместо введения)**

Открыв 22 апреля 1990 г. газету «Аргументы и факты», я с интересом и немалым удивлением прочел интервью племянницы В.И. Ульянова (Ленина)¹, кандидата химических наук, доцента МГУ, Ольги Дмитриевны Ульяновой. Касаясь общих вопросов ленинианы, она утверждала, что свыше тридцати лет изучает ульяновские архивы и поэтому уверенно может обсуждать семейную генеалогию. Мне было непонятно, почему О.Д. Ульянова, утверждая, что предки по линии И.Н. Ульянова – «это русские люди», ничего определенного не может сказать о предках своей бабушки М.А. Улья-

¹ Далее – В.И.

новой (в девичестве Бланк). «Она тоже русская, – пишет О.Д. Ульянова, – хотя бытует мнение о шведской ветви. Однако документально это не подтверждено»¹.

Непонятно, зачем весной 1990 г., когда фактически уже не действовала цензура, когда были сняты многие ограничения, тиражом 33 392 200 экземпляров заявлять об отказе от своих предков? Корректировать свою родословную, как в былые времена, когда власть предрешающие категорически запрещали даже намеки на присутствие нерусской крови в жилах В.И.? Зачем слепо следовать за бывшими «подручными партии», которые выполняли указания свыше, не заботясь об исторической истине?

В качестве примера можно привести безапелляционные утверждения бывшего редактора «Горьковской правды» И.А. Богданова, писавшего в 1969 г.: «Мне не раз приходилось не только слышать, но и встречать в литературных источниках различные версии о национальном происхождении В.И. Ленина. Писалось, будто дед Ильича принадлежал к крещеным калмыкам. Были и другие утверждения (какие – И.А. Богданов не пишет. – *М.Ш.*). Конечно, за желание видеть в Ильиче, этом великом интернационалисте, черты своей нации трудно кого-либо осуждать.

Найденные в Астраханском и Горьковском архивах документы вносят абсолютную ясность в вопрос о национальной принадлежности деда и отца Ленина. В списках мужского населения Астрахани для рекрутского набора 1837 года запи-

сано: «Николай Васильев Ульянов, у него дети – Василий – 14 лет, Илья – 2 лет. Коренного российского происхождения».

Тут уж другие толкования исключаются. Вопрос о национальном происхождении, может быть, и не столь важный, но историческая чистота фактов – прежде всего»².

С последними словами нельзя не согласиться. Поэтому, ознакомившись с интервью О.Д. Ульяновой, я решил рассказать о том, что мне известно по генеалогии В.И., изучением которой занимаюсь с 1964 г. Письмо на двенадцати машинописных страницах я отослал в редакцию газеты «Аргументы и факты», но ответа не получил. Спустя месяц вновь обратился в редакцию и просил сообщить о том, как поступили с моим письмом. И снова никакого ответа. Конечно, я понимал, что сообщенные мною факты требуют согласования публикации с ЦК КПСС, ведь я наступал на любимую мозоль тогдашнего партийного руководства – великодержавный шовинизм, открыто ставя под сомнение многолетние утверждения, что в жилах основателя и вождя коммунистической партии и Советского государства течет только русская кровь. Но редакция «Аргументов и фактов» вообще не сочла нужным мне ответить. Тогда я решил поискать в Ленинграде (так тогда назывался Санкт-Петербург) печатный орган, который рискнул бы опубликовать мою статью. Благодаря помощи известной писательницы Н.С. Катерли рукопись оказалась в редакции органа ленинградского отделения

Союза писателей газеты «Литератор». Ознакомившись с ней, главный редактор «Литератора» Г.В. Балугев дал «добро» на публикацию. Так статья, уже в расширенном виде, увидела свет.

Сразу после выхода «Литератора» с моей статьей³ экземпляр газеты был послан старшим научным сотрудником ленинградского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС доктором исторических наук, профессором Т.П. Бондаревской в головной институт. Но в ИМЛ, так же как и в Центральном партийном архиве ИМЛ, молчали.

Статья из «Литератора» была перепечатана в журнале «Слово» (1991, № 2) под названием «Род вождя», а затем и в ряде других изданий.

В 1992 г. вышла в свет книга А. Арутюнова «Феномен Владимира Ульянова (Ленина)»⁴, где он касается генеалогии В.И. (к некоторым моментам его трактовки этой темы я еще вернусь). Из моей статьи Арутюнов заимствовал генеалогическую схему, поместив ее на последней странице книги, после оглавления, в выходных данных. От себя он добавил в схему лишь пунктирную линию, указав, что «ветвь Ульянова – версия», а также дал краткие сведения о городе Упсала (перепутав, правда, город Упсала, который является родиной шведских предков Ульяновых и основан в XII в., с древней столицей Швеции, так называемой старой Упсалой, сгоревшей в 1245 г. и находившейся в 5 километрах от новой Упсалы). При этом Арутюнов «забыл» указать источник,

откуда он извлек схему.

Вскоре после этого газета «Книжное обозрение» опубликовала письмо читателя Г. Лятиева, где он утверждал, что ««генеалогическое древо» Ленина давно изучено и в 40-х годах опубликовано», и далее называл годом первой публикации в России – 1992 г., со ссылкой на книгу Арутюнова⁵.

Г. Лятиев ошибается. Почти всю генеалогию рода Ульяновых описала М.С. Шагинян в 1937 г. в романе «Билет по истории». Полностью ей это не удалось сделать до конца дней, хотя начиная с 1965 г., когда были выявлены документы о происхождении А.Д.Бланка, она предпринимала все от нее зависящее, чтобы это произошло. То, что не удалось сделать М.С. Шагинян, смог, как уже сказано, осуществить я.

Касается вопросов генеалогии В.И. и Д.А. Волкогонов в своей работе «Ленин. Политический портрет». Он совершенно справедливо пишет, что этническая характеристика В.И. всегда тщательно затушевывалась, наряду со стремлением придать ему, если не пролетарское, то хотя бы «батрацкое» происхождение, а в другом месте отмечает: «В официальных биографиях Ленина почти ничего не говорится о родителях матери и отца Ульяновых, об их национальном происхождении... Официальным биографам очень не хотелось отмечать редкое смешение крови в генеалогическом древе, на котором появился плод в лице Володи Ульянова. Ведь считалось естественным, само собою разумеющимся, что вождь российской революции должен быть русским!»⁶

На мой взгляд, Д.А. Волкогонов в последней фразе напрасно увел в подтекст мысль о том, что это считалось «естественным» только «И.В.Сталиным и его преемниками на посту руководителей партии и членами Политбюро всех созывов». Но главное сказал, упомянув все нации, давшие миру В.И. И это вызвало новый гнев шовинистов.

Такова предыстория снятия завесы секретности с родословной В.И. И сегодня есть силы, которые пытаются любыми путями скрыть правду об этом. Но генеалогия – наука точная, подтасовок не терпит. Только и изучать ее, и информировать общество о полученных результатах необходимо спокойно, без надрыва и идеологической зашоренности. Основатель аналитической психологии К.Г. Юнг писал: «Психология состояния тождества, предшествующего Я-сознанию, показывает, чем является ребенок благодаря влиянию родителей. Однако причинной связью с родителями едва ли можно объяснить, чем является ребенок как отличная от родителей индивидуальность. Можно даже рискнуть предположить, что не родители, а скорее генеалогии родителей (деды и прадеды, бабки и прабабки) являются подлинными породителями детей и больше объясняют их индивидуальность, чем сами непосредственные и, так сказать, случайные родители. Так же и подлинная душевная индивидуальность ребенка есть новое в сравнении с психикой родителей явление, не выводимое из ее особенностей. Она образует комбинацию коллективных факторов, присутствующих

в психике родителей лишь потенциально и весьма часто совершенно невидимых. Не только тело ребенка, но и его душа происходит из ряда предков, поскольку этот ряд индивидуально отличен от коллективной души человечества»⁷.

Поэтому, чтобы понять В.И. как человека и политика, мы должны тщательно изучить его генеалогию.

Глава 1

Кто вы, доктор Бланк?

1. Дело № 59

В 1964 г. я наконец решил прочитать давно приобретенный на книжном развале у здания бывшей петербургской Городской думы том произведений М.С.Шагинян¹. В нем содержался, в частности, роман «Семья Ульяновых», о запрете первого издания которого в тридцатые годы я слышал еще будучи студентом Ленинградского финансово-экономического института.

Прочитанное поразило меня. До этого, как и подавляющее большинство советских людей, я был убежден: все сказанное в официальной краткой биографии В.И. – истина в последней инстанции. А здесь на меня обрушилась лавина ранее неизвестной информации. Соответственно возникли и вопросы. И я начал пытаться получить на них ответы из всех доступных источников. Прежде всего познакомился с тем, что написали о происхождении В.И. его близкие – Н.К. Крупская и двоюродный брат Н.И. Веретенников. О том, что у вождя было 33 двоюродных брата и сестры, я не догадывался, хотя слышал, правда, мельком об Ардашевых. Одна-

ко это моих сомнений не разрешило. Из прочитанного стало ясно одно: близкие В.И. и те, кто в своих исследованиях касались его родителей, старались аккуратно обходить вопросы генеалогии. В итоге больше всего сведений по этой теме оказалось в романе М.С. Шагинян.

«Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич Ульянов, был родом из бедных мещан города Астрахани»², – скромно писала в вышедших в свет в 1926 г. «Воспоминаниях об Ильиче» А.И. Ульянова-Елизарова, хотя в детстве ездила в гости к бабушке Анне Алексеевне в Астрахань и наверняка знала о калмыцком происхождении своего отца. Знала наверняка и генеалогию матери, М.А.Ульяновой.

Через пять лет, в 1931 г., А.И. Ульянова-Елизарова решила кое-что дополнить и уточнить: «Отец Илья Николаевич происходит из мещан г. Астрахани. По некоторым, не вполне проверенным данным, дед Владимира Ильича был портным.

По национальности Илья Николаевич был русским, но некоторая примесь монгольской крови несомненно имелась, на что указывали несколько выдающиеся скулы, разрез глаз и черты лица. В Астрахани, как известно, значительную часть населения составляли издавна татары (не намек ли это на татарское происхождение? – *М.Ш.*)

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача, передового, по своему времени, идейного человека, не умевшего прислушиваться и сколачивать деньги и потому не сделавшего себе карьеры»³.

Итак, Илья Николаевич, по национальности – русский, а Мария Александровна – дочь врача. Дочь врача – это бесспорно. Но кем же был по национальности врач Бланк? А.И. Ульянова-Елизарова хорошо об этом была осведомлена, но молчала не по своей воле. В 1932 г. она просила И.В. Сталина разрешить ей опубликовать эти сведения, но получила категорический отказ.

Примерно в том же духе пишет о родителях и М.И. Ульянова. В отличие от Анны Ильиничны она вообще не называет национальность Ильи Николаевича: «Он происходил из бедной мещанской семьи. Дед его был крестьянином, а отец жил в городе и служил в каком-то торговом предприятии (по профессии он был портным)»⁴. А в очерке о Марии Александровне указывает лишь, что ее отец, А.Д.Бланк, происходил из мещан⁵.

Столь же скупа на подробности и Крупская: «Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был простого звания из астраханских мещан»⁶. И здесь недомолвка. Да, Илья Николаевич происходил из семьи мещан. Но ко времени рождения сына Владимира он был инспектором народных училищ и имел чин коллежского советника, приравнивающийся к воинскому званию полковника, и, следовательно, был личным дворянином. А в конце жизни Илья Николаевич – директор народных училищ и действительный статский советник, т. е. фактически генерал-майор, кавалер многих орденов, что да-

вало право на потомственное дворянство.

Что же касается А.Д. Бланка, то Н.К. Крупская очень уклончиво говорит о его происхождении.

Тщательно изучив все написанное в нашей лениниане начиная с двадцатых годов о А.Д. Бланке, я пришел к выводу: его национальность скрывается не случайно. Обратил внимание и на то, что М.С. Шагинян во второй редакции романа «Семья Ульяновых» (опубликованной в переработанном и расширенном виде в 1957 г. в журнале «Нева», а в 1959 г. в уже упоминавшейся книге) опустила упоминание о национальности А.Д. Бланка. Хотя в первой редакции он был назван малороссом. Это свидетельствовало о том, что у нее появились сомнения в достоверности данного факта. И я решил докопаться до истины. Послал запросы в ИМЯ при ЦК КПСС, Центральный музей В.И. Ленина в Москве, в ленинградские архивы, а также написал М.С. Шагинян. Ответ из ИМЯ при ЦК КПСС свидетельствовал: по данному вопросу сотрудникам института ничего не известно. Лектор Центрального музея В.И.Ленина Е. Никитина ответила, что А.Д. Бланк «по национальности – обрусевший немец». Впрочем, логичнее было бы назвать его «обукраинившийся немец».

Прочитав письмо Е. Никитиной, мне оставалось только улыбнуться. К этому времени я уже знал ответ на свой вопрос.

Первой же мне ответила М.С. Шагинян: «К сожалению, пока не могу написать ничего утвердительного о родослов-

ной отца Марии Александровны. В воспоминаниях ее сестры Анны и ее дочери Анны Ильиничны сказано только одно: А.Д. Бланк был «малоросс». Ни о каких родственниках со стороны Александра Дмитриевича нигде в воспоминаниях я ничего не нашла. Есть сведения, что в Ленинграде ведутся розыски»⁷.

В ответ писательницы вкралась определенная неточность. Ни в одной из работ о семье Ульяновых, опубликованных к тому времени, А.И. Ульянова-Елизарова не говорила, что А.Д. Бланк по национальности был «малоросс». Об этом писала А.А. Веретенникова, сестра Марии Александровны, воспоминаниями которой пользовалась М.С. Шагинян в работе над романом⁸.

Вскоре после получения письма М.С. Шагинян я оформил допуск в читальный зал Центрального государственного исторического архива (ЦГИА) СССР в Ленинграде, ныне Российский государственный исторический архив (РГИА), и заказал первые дела. Среди них было и дело № 59 из фонда 1297, опись 10.

3 февраля 1965 г. молодая обаятельная сотрудница читального зала Сима (ныне С.И. Варехова заведует читальным залом РГИА) выдала мне документы. И как только я прочитал дело № 59, бросил взгляд на часы. Было 13 часов 15 минут, мне это запомнилось на всю жизнь. С первой минуты ознакомления с первым в моей жизни архивным делом я понял, что сделал открытие. Как новичок в архивном поиске,

я не знал тогда, что наличие фамилий исследователей в листе использования архивного дела означает, что они знакомились с ним раньше меня. Не знал ничего о нештатном сотруднике Музея истории Ленинграда А.Г. Петрове, чья фамилия стояла в этом листе. И, конечно, не предполагал, что он уже сообщил о своей находке М.С. Шагинян и та приехала по этому поводу в Ленинград. Тем более не мог предполагать, что в скором времени все перечисленные в этом списке лица, включая и меня, будут изображаться чуть ли не преступниками.

А пока я вновь и вновь перечитывал материалы дела, имевшего название: «По прошению студентов Житомирского поветового училища Дмитрия и Александра Бланков об определении их в Медико-хирургическую академию. Начато 24 июля 1820 г. Кончено 31 июля 1820 г.».

Первый лист представлял собой обычное прошение министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицыну двух юношей, желавших поступить в Медикохирургическую академию. Но зато второй содержал взрывоопасный для тогдашних властей материал.

«Воспитанники Житомирского поветового училища Дмитрий и Александр Бланки подали Вашему Сиятельству прошение...

...Из просьбы Бланков, равно и из приложенных аттестатов, выданных им от Житомирского поветового училища, и свидетельства, данного им от священника здешней церкви

преподобного Самсония Федора Барсова, о крещении их, не видно, из какого они состояния происходят»⁹.

И в виде вставки после имен просителей вписаны два слова: «из евреев».

Ключ к разгадке происхождения А.Д.Бланка был найден. Теперь оставалось найти само свидетельство о крещении. Иду на Псковскую, 18, где находится Государственный исторический архив Ленинградской области (ГИАЛО), ныне Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Небольшая задержка с выдачей дела (потом выяснилось, что с него делали фотокопию для М.С. Шагинян), и наконец в руках у меня метрическая книга Сампсониевского собора за 1820 г. Нахожу интересующее меня дело под названием: «О присоединении к нашей церкви Житомирского поветового училища студентов Дмитрия и Александра Бланковых из еврейского закона». В деле прошение на имя митрополита Новгородского, Санкт-Петербургского, Эстляндского и Финляндского, архимандрита Святотроицкой Александро-Невской лавры Михаила. В прошении, в частности, говорится:

«Поселясь ныне на жительство в С.-Петербурге и имея всегдашнее обращение с христианами, греко-российскую религию исповедующими, мы желаем принять оную. А по сему, Ваше Высокопреосвященство, покорнейше просим о просвящении нас святым крещением учинить Сампсониевской Церкви Священнику Федору Борисову предписание...

К сему прошению Абель Бланк руку приложил. К. сему прошению Израиль Бланк руку приложил»¹⁰.

10 июля 1820 г. братья Бланки приняли православие. «Причем восприемниками были первого, т. е. Абеля, в крещении названного Дмитрием, действительный статский советник сенатор Дмитрий Осипович Баранов и действительного статского советника Г. Шварца жена Елизавета Осиповна, второго, иначе названного Александром, действительный статский советник граф Александр Иванович Апраксин и означенного Баранова жена Варвара Александровна»¹¹.

По прочтении этого документа может возникнуть вопрос, почему братьям Бланкам необходимо было принимать православие, если 19 декабря 1804 г. Александр I утвердил Положение «О устройстве евреев», согласно которому разрешалось всех еврейских детей принимать и обучать «без всякого различия от других детей во всех российских народных училищах, гимназиях и университетах», производить их «в университетские степени наравне с прочими российскими подданными»¹².

Но не следует забывать, что это не давало евреям права на проживание в столице. Еще в 1791 г., после второго раздела Польши, из вошедших в состав Российской империи земель Белоруссии и Правобережной Украины, где жило много евреев, были созданы новые административные единицы. Екатерина II своими именными указами ограничила

право «гражданства и мещанства» для евреев этими областями, добавив к ним Екатеринославское наместничество и область Таврическую¹³. В остальных губерниях России, согласно этим указам, евреи проживать не имели права. Таким образом была введена печально знаменитая черта оседлости, существовавшая в России до февральской революции 1917 г. Упомянутое же положение 1804 г. при Николае I было фактически отменено.

2. Преодоление черты оседлости

Братья Бланки, как мы знаем теперь, учились в Житомире в поветовом (уездном) училище, то есть в русской школе. И это выделяло их из среды еврейских сверстников. К этому, очевидно, стремился их отец Мойша Ицкович Бланк, который хотел видеть своих детей образованными людьми. До этого М.И. Бланк наверняка отдавал детей в общественную еврейскую школу – хедер. Школу, в которой еврейские дети обучались начиная с трех лет, оставляя ее при вступлении в брак. По требованиям еврейской религии, обучение детей было обязательным для каждого еврея, независимо от его материального положения. Несоблюдение этого правила считалось нарушением религиозных норм – отступничеством, вольнодумством. Правда, обучение считалось обязательным только для мальчиков. Поэтому-то среди евреев-мужчин не было практически ни одного, кто бы не умел читать. В то же время женщины, для которых учение было необязательным, обычно умели только читать молитвы на иврите и идиш. Если к тому же девушка умела писать и знала арифметику, то считалась образованной.

Переход братьев Бланков из иудаизма в православие прошел безболезненно. По тогдашним законам, чтобы приехать в Петербург и поступить в Медико-хирургическую академию, они должны были получить специальное разрешение

от местной общины, ответственной перед властями за своих членов. Однако они не стали брать увольнительную от жи-
томирского мещанского общества, к которому принадлежа-
ли¹⁴. Вскоре после поступления братьев в академию, 13 ав-
густа 1820 г., Сенат принимает указ «О исключении евре-
ев, принявших христианскую веру, из еврейских обществ и
из тех окладов, в коих они до принятия христианской веры
состояли¹⁵. Но еще до издания этого указа братья Бланки,
приложившие к своему заявлению свидетельство о креще-
нии, были приняты в число воспитанников Медико-хирур-
гической академии¹⁶.

Шаг Бланков по принятию православия оказался преду-
смотрительным. Когда к власти пришел Николай I, отрица-
тельно относившийся к евреям, то врачей, принадлежащих к
иудейскому вероисповеданию, стали вновь притеснять. Так,
например, когда в 1836 г. врач И. Бертензон обратился в Ми-
нистерство внутренних дел, в чьем ведении находился Ме-
дицинский департамент, с просьбой помочь ему получить
место врача, то Николай I лично распорядился использовать
его «не иначе, как в одних западных губерниях»¹⁷. Это пол-
ностью соответствовало «Положению о евреях», утвержден-
ному Николаем 14 апреля 1835 г.¹⁸. Более того, в 1844 г.
Николай I требовал преградить евреям пути поступления на
службу в гражданские ведомства до тех пор, пока они не при-
мут христианство, а тех, кто находился на военной службе,

не производить в чины, дающие права высшего состояния. Это вынудило министра государственных имуществ, графа П.Д. Киселева, не разделявшего подобных взглядов, секретно обязать министра просвещения не выдавать евреям дипломов, с тем чтобы открыто не отменять законы, дававшие евреям право на службу¹⁹.

А.И. Ульянова-Елизарова высказывала предположение, что братья Бланки имели в Петербурге какого-то старшего родственника (скорее всего, дядю) Дмитрия Бланка, принявшего раньше их православие и имевшего хорошие связи в Петербурге. Это предположение она делала на основании метрического свидетельства своей тети Е.А. Бланк, где среди восприемниц значится дочь иностранного купца Дмитрия Бланка – Любовь Бланк²⁰.

Однако изучение «Указателя жилищ и зданий в Петербурге, или Адресной книги с планом на 1823 год», составленного в 1822 г. С. Адлером, показало, что среди жителей Петербурга иностранный купец Дмитрий Бланк не значился. В «Книге адресов на 1837 год» К. Нистрема фамилия иностранного (впрочем, как и российского) купца Дмитрия Бланка также не упоминается. Нет ее и в известном справочнике «Петербургский некрополь». Попытки обнаружить какие-либо сведения о купце Дмитрие Бланке в фондах ЦГИА СПб также окончились безрезультатно. И я пришел к ошибочному выводу, что Любовь Бланк является дочерью Д.Д. Бланка от первого брака в Житомире. Окончив Медико-хи-

ругическую академию, он забрал дочь в Петербург, где крестил ее в православную веру.

Подобная версия не была лишена основания. Дело в том, что в то время еврейские дети имели право вступать в брак в возрасте 14–15 лет, будучи физически и нравственно неразвитыми, неспособными содержать семью. В связи с этим они находились на полном содержании родителей, что порождало семейные неурядицы и часто приводило к разводам, особенно когда у молодых супругов появлялись дети, также оказавшиеся на иждивении бабушек и дедушек.

Большому количеству разводов способствовало также то, что среди евреев процедура разводов была упрощена. Супруги, решившись развестись, должны были лично явиться к раввину и сказать ему о желании расторгнуть брак. При этом они обязаны были ответить на вопросы раввина о причинах расторжения брака и заполнить разводной лист по определенной форме. Этот лист подписывал не только муж, подающий на развод, но и свидетели. В их присутствии муж со словами «ты от меня уходишь и можешь поступить в супружество с кем пожелаешь» передавал своей жене разводной лист. С этого момента супруги считались разведенными. Если впоследствии они решали вновь заключить супружеские отношения, то обязаны были вступить в повторный брак с соблюдением всех необходимых при этом формальностей²¹.

Таким образом, были основания предположить, что Д.Д. Бланк мог жениться первый раз до приезда в Петербург. По-

сле окончания Медико-хирургической академии он был переведен из податного в купеческое сословие, так что его дочь могла называться дочерью купца. Пусть это не покажется читателю странным, что я учитывал и тот факт, что в ноябре 1816 г. М.И.Бланк обратился в Волынский главный суд с просьбой заключить под стражу его старшего сына Абея (в крещении Дмитрия Дмитриевича), нанесшего ему побои и словесные оскорбления²². Избиения и словесные оскорбления могли произойти, учитывая характер М.И. Бланка, из-за его вмешательства в семейную жизнь сына. М.И. Бланк, по моему мнению, вполне мог довести сына до развода, если ему по каким-либо причинам не нравилась невестка.

Любовь Бланк могла быть и дочерью Д.Д. Бланка от второго брака (он женился в Петербурге на Александре Гавриловне Ивановой). Правда, тогда, на момент рождения племянницы Екатерины Бланк, ее крестной матери Любви Бланк было не более десяти лет. Но возраст крестной матери не является помехой. Главное, чтобы она была тверда в вере и могла наставлять в ней свою крестницу. После смерти А.Г. Бланк (Ивановой), пережившей мужа почти на 20 лет, у нее наследников не оказалось. Но это можно объяснить тем, что Л.Д. Бланк (если она была ее дочерью) умерла раньше матери.

Однако все эти версии в результате дальнейших поисков отпали. В «Волынских губернских ведомостях» я обнаружил упоминание о дочери житомирского мещанина Дмит-

рия Бланка – Любови Тридрих²³. Стало ясно, что именно она, сестра Дмитрия и Александра, вслед за ними приняв православие, стала крестной матерью Екатерины Бланк, находясь в момент ее рождения в Петербурге в гостях у братьев. Почему при этом М.И. Бланк (в крещении Дмитрий) назван не русским, а иностранным купцом, выяснить не удалось.

Второй восприемницей Екатерины Бланк была Каролина Карловна Эстедт. В семье А.Д. Бланка восприемниками его детей довольно часто были люди, исповедующие лютеранство: Владимир Иванович Биуберг, Карл Иванович Гроссшопф, Екатерина Ивановна Гроссшопф. Это допускалось православной церковью.

3. Восприемники

А.И. Ульянова-Елизарова в свое время не могла найти ответа на вопрос, почему в судьбе братьев Бланков приняли участие «такие родовитые и чиновные люди», как указанные в числе восприемников сенатор Д.О. Баранов и граф А.И. Апраксин²⁴. Этот вопрос возник и передо мной. В феврале 1965 г. я обратился в Музей истории религии и атеизма в Ленинграде к старшему научному сотруднику, бывшему протоиерею и профессору Ленинградской духовной академии А.А. Осипову. Он объяснил, что в 1820 г. переход из иудаизма в православие или другую христианскую конфессию был большой редкостью, а поэтому представители высшей знати России считали для себя почетной обязанностью быть крестными родителями. Крестники становились как бы членами семьи своих восприемников, так как, переходя из иудаизма в православие, отказывались от родителей и официально считались сиротами. Именно на «сиротство» братьев Бланк ссылается князь А.Н. Голицын, рекомендуя конференции Медико-хирургической академии принять их «в число казенных академических воспитанников», несмотря на то, что в латинском языке их знания оказались не весьма успешными²⁵.

Что же нам известно о людях, ставших восприемниками

братьев Бланк?

Начнем с крестного отца Абеля (Дмитрия) Бланка сенатора Д.О. Баранова (8 марта 1773 – 23 августа 1834). Известный дворянский род Барановых ведет начало от татарского мурзы Ждана (в крещении Даниила) по прозвищу Баран. Он выехал из Крымской орды в Россию во времена великого князя Василия II Васильевича Темного и служил при нем «на коне, при сабле и луках со стрелами и пожалован при дворе комнатным и дан ему ключ»²⁶ (все эти знаки вошли в герб русской ветви Барановых). Верно служили русским царям и другие представители этого рода. Дмитрий Осипович (Иосифович) Баранов был записан сержантом лейб-гвардии Преображенского полка 11 лет от роду, а спустя 14 лет, 8 сентября 1798 г., он вышел в отставку в чине штабс-капитана. В 1801 г. стал служить в Сенате, а в 1817 г. стал сенатором. В образованном 9 ноября 1802 г. Еврейском комитете он стал правителем дел и составил неблагоприятный для евреев проект нового законодательства. Но М.М. Сперанский, которому Баранов передал свои предложения, не дал им хода. В связи с разразившимся в 1822 г. в Белоруссии голодом сенатор Баранов был послан туда для выяснения причин его возникновения. Вернувшись, он заявил, что виновниками голода являются евреи, проживающие в селах и деревнях. Поэтому для недопущения нового голода Баранов предложил всех белорусских евреев насильственно переселить в Новороссию. Несмотря на протесты министра внутренних

дел В.П. Кочубея, Александр I указом 11 апреля 1823 г. обязал начать переселение евреев из сельской местности в города и местечки, где они могут заниматься торговлей и промыслом. А 1 мая того же года в связи с докладом Баранова был учрежден особый комитет для выработки нового законодательства о евреях²⁷.

Современному читателю может показаться странным, что человек, чья служебная деятельность отличалась антисемитской направленностью, принял живое участие в судьбе провинциальных еврейских юношей. Но антисемитизм начала XIX в. имел в виду не национальную принадлежность как таковую, а религию – иудаизм. Поэтому Баранов, лично способствуя крещению евреев, действовал в соответствии со своими убеждениями.

Любопытно отметить, что декабристы считали возможным включить Д.О. Баранова, как человека, в чьей честности и порядочности они не сомневались (наряду с А.П. Ермоловым, Н.С. Мордвиновым, И.М. Муравьевым-Апостолом, Н.Н. Раевским, М.М. Сперанским и некоторыми другими), в состав предполагаемого Временного правительства²⁸. Список этот стал известен Николаю I, и он отреагировал по-своему. Д.О. Баранов вместе с графом П.А. Толстым, князем И.В. Васильчиковым, М.М. Сперанским, бароном Г.А. Строгановым, графом Е.Ф. Комаровским, графом П.И. Кутайсовым, С.С. Кушниковым и сенатором Ф.И. Энгелем был включен в состав ревизионной комиссии суда, учреждавшей

разряды переданных суду декабристов.

Во время заседания ревизионной комиссии в Петропавловской крепости, когда привлеченным к суду декабристам предлагалось подписать три вопросных пункта: 1) своей ли рукой подписаны показания, данные на следствии; 2) добровольно ли подписаны; 3) были ли даны очные ставки, Баранов совместно с А.Х. Бенкендорфом опрашивал членов Северного общества. При этом Баранов был очень вежлив, но не выпускал, судя по воспоминаниям И.Д. Якушкина, бумаг с показаниями из своих рук²⁹. В то же время Бенкендорф, как вспоминает А.Е. Розен, давал понять, что ему несдобровать³⁰.

Как же оценивать Д.О. Баранова как личность? Думается, точнее многих характеризует его член следственной комиссии по делу декабристов сенатор П.Г. Дивов. Рассказывая в своем дневнике 20 октября 1833 г. об очередном общем собрании Сената, он пишет: «Председательствующий Баранов человек весьма сведущий в административной части, но гораздо менее по части юриспруденции; он не способен поддержать правое дело, если какие-либо личные соображения заставляют его уклониться от прямого пути. Он говорит хорошо, с апломбом, не горячась»³¹.

У Баранова было два сильных увлечения: поэзия и шахматы. Первое свое стихотворение «Шарлотта при гробе Вертера» он опубликовал в четырнадцатилетнем возрасте, будучи

воспитанником Вольного благородного пансиона при Московском университете, в журнале В.И.Туманского и И.Ф. Богдановича «Зеркало Света». С тех пор его стихи появляются в печати довольно часто, что дает ему возможность в 1833 г. быть избранным в члены Российской академии. Среди тех, кто поддержал избрание Баранова, был и А.С. Пушкин³².

Вторым увлечением Баранова были шахматы. В его доме в 20-е годы XIX в. располагалось одно из первых шахматных собраний Петербурга, которое посещали преимущественно писатели, поэты, драматурги. Впрочем, собрания были открыты для всех любителей этой игры. (Собственный 4-этажный дом Баранова находился по адресу: Невский пр., д. 56; сейчас на этом месте здание, где размещаются Елисейевский магазин и Театр комедии им. Н.П. Акимова.)

Здесь бывали известные русские шахматисты того периода: мастер К.А. Яниш, служивший в это время в армии и имевший чин майора, писатель АД. Кольев, писатель и публицист Н.П. Брусилов. Несомненно, бывал и большой любитель шахмат, добрый знакомый Баранова А.С. Пушкин. Приходили поиграть в шахматы и многие члены Английского собрания в Петербурге, членом которого Баранов состоял с 1814 г.³³.

Роль Баранова в развитии шахмат была настолько велика, что именно ему был посвящен первый русский учебник «О шахматной игре», написанный мужем сестры Баранова, чи-

новником Сената И.А. Бутримовым. Именно в доме Баранова совершенствовал свое мастерство внук его коллеги по сенату И.А. Соколова будущий первый чемпион России А.Д. Петров.

Наверняка частыми гостями дома Д.О. Баранова и участниками его шахматных вечеров были большие поклонники этой древней игры братья Бланки. Знакомство с шахматистами, занимавшими высокое положение в свете и государственном аппарате, могло способствовать приобретению ими клиентуры для врачебной практики. Не исключаю, что именно в доме Баранова А.Д. Бланк познакомился с братьями Г. и К. Гроссшопфами, с которыми впоследствии породнился.

Крестной матерью Абеля (Дмитрия) Бланка была жена действительного статского советника Елизавета Осиповна Шварцу, скорее всего, родная сестра Д.О. Баранова.

Восприемником Израиля Бланка, ставшего после крещения Александром Дмитриевичем (будущего деда В.И.), был действительный статский советник граф Александр Иванович Апраксин (7 декабря 1782 – 9 июля 1848), родной брат хорошего знакомого А.С. Пушкина, генерала П.И. Апраксина. Восприемницей – жена Д.О. Баранова Варвара Александровна (19 января 1791 – 24 июня 1850), родная сестра жены А.И. Апраксина Марии Александровны (1794–1872).

А.И. Апраксин происходил из знаменитого дворянского рода. Его прапрадед Андрей Матвеевич – родной брат перво-

го русского генерал-адмирала Ф.М. Апраксина. Прабабушка Александра Михайловна – внучка фельдмаршала Б.П. Шереметева, бабушка – княжна Н.И. Одоевская, мать – графиня Мария Александровна Волькенштейн – племянница фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского. Это по ближайшим женским предкам. А по мужской линии А.И. Апраксин ведет род от Солхомира, приехавшего в 1371 г. к великому князю Олегу Ивановичу Рязанскому из Большой орды. В Рязани Солхомир принял христианство и получил при крещении имя Иван. Иван (Солхомир) женился на родной сестре рязанского великого князя Олега Ивановича Анастасии Ивановне. Таким образом, потомки Анастасии Ивановны были и потомками Рюрика. Правнук Ивана (Солхомира) и Анастасии Ивановны получил прозвище Опракса. От него-то и пошли Опраксины, трансформировавшиеся в Апраксиных. Сыновья Опраксы, или Апраксы, перешли служить к великому князю московскому Ивану III. Дьяк Федор Апраксин поставил свою подпись в числе выборщиков на русский престол царя Михаила Романова. Прапрадед Апраксина Андрей Матвеевич был родным братом второй жены царя Федора III Алексеевича, Марфы Матвеевны, и обер-шенком Петра I и Екатерины I. В 1722 г. был возведен в графское достоинство³⁴.

А.И.Апраксин начал службу писарем Провиантской коллегии в унтер-офицерском чине 9 октября 1798 г. Сохранившийся формулярный список позволяет проследить его быст-

рое продвижение по служебной лестнице. Во время Отечественной войны 1812 г. Апраксин находился в действующей армии. Вдень Бородинского сражения являлся адъютантом М.И. Кутузова. Сражался под Малоярославцем в отряде генерала М.И. Платова. Принимал участие в крупнейших сражениях русской армии против войск Наполеона: при Вязьме, Дрездене, Кульме, Лейпциге. Участвовал во взятии Парижа. За боевые заслуги Апраксин был награжден высшими российскими и иностранными орденами. После окончания войны перед ним открылась перспектива блестящей военной карьеры. Уже в 1813 г., в возрасте 31 года, он стал полковником. Но 23 января 1818 г. в связи с болезнью Апраксин увольняется с военной службы. Ему был присвоен гражданский чин действительного статского советника, что приравнивалось к воинскому званию генерал-майора.

Апраксин вновь возвращается на службу 5 мая 1822 г. и на семь лет становится чиновником особых поручений Министерства финансов. Он занимал разные должности по гражданскому ведомству и, наконец, 21 апреля 1834 г. был пожалован в тайные советники и сенаторы³⁵. Был женат на Марии Александровне Шемякиной³⁶, имел четырех сыновей и двух дочерей.

Интересы Апраксина были довольно широкими. Он являлся членом масонской ложи «Трех добродетелей» в Петербурге³⁷, в состав которой входил и великий князь Констан-

тин Павлович. С 1807 г. и до самой смерти был членом Английского собрания, а в 1834 г. даже его старшиной³⁸. Хорошо известно, что в стенах Английского собрания, членом которого, как уже говорилось, был и Д.О. Баранов, встречались представители высшего света, наиболее известные люди Петербурга. Достаточно назвать такие имена, как А.С. Пушкин, Н.И.Гнедич, В.А. Жуковский, врач Н.Ф. Арендт, братья графы Матвей и Михаил Юрьевичи Виельгорские (известные музыканты и большие любители шахмат), братья А.И. и Н.И. Тургеневы (кстати, А.И. Тургенев был директором Департамента иностранных вероисповеданий Министерства народного просвещения и занимался вопросами перехода евреев в православие), А.С. Тимирязев, будущий министр внутренних дел граф Л.А. Перовский, будущий адъютант великого князя Михаила Павловича и шталмейстер императорского двора И.Д. Чертков, впоследствии ставший крестным отцом Машеньки Бланк, и др.³⁹.

Таковы были люди, взявшие на себя ответственность за дальнейшую судьбу братьев Бланков.

Глава 2

Погромы в архивах

1. Опасная находка в Житомире

После ознакомления с документами Медико-хирургической академии, в которых указывалось, что братья Бланки окончили Житомирское поветовое училище, я написал письмо в Государственный архив Житомирской области с просьбой сообщить, имеются ли в архиве какие-либо сведения о А.Д. Бланке. На момент отправки письма в Житомирский архив я еще не знал, что до принятия православия у него было имя Израиль. Не указывал я в письме и факта перехода в православие братьев Бланков. Не упоминал в письме и о Д.Д. Бланке.

Спустя некоторое время пришел ответ за подписью директора Д.В. Шмина. В нем говорилось, во-первых, что незадолго до моего письма в Житомирский архив поступил запрос из Музея истории Ленинграда. Но этот запрос касался двух братьев Бланков – Дмитрия и Александра.

Во-вторых, сообщалось, что работники архива при подготовке ответа на мой запрос выявили в фонде Волынского главного суда дело по обвинению староконстантиновского

мещанина Мойши Ицковича Бланка в том, что он в 1809 г. якобы поджег город Староконстантинов. Сообщалось также, что суд признал М.И. Бланка невиновным.

В-третьих, в письме указывалось, что из упомянутого дела следует наличие у М.И. Бланка в 1809 г. сына Абея, а в 1826 г. сына Дмитрия. А.Д. Бланк в письме Шмина не упоминался, и это наводило на мысль, что Александр и Дмитрий Бланк не родные, а двоюродные братья. Но эта версия практически сразу же исчезла. Появилась другая. Не было ли конфликта между А.Д. Бланком и его отцом, в результате которого между ними произошел разрыв? Причину конфликта можно было предположительно увидеть в том, что братья Бланк приняли православие. Тогда непонятно, почему М.И. Бланк не отрекался от сына Дмитрия?

Но вернусь к письму Д.В. Шмина. В конце его он спрашивал, имеют ли сообщенные им сведения отношение к интересующему меня вопросу и не могу ли я привести каких-либо дополнительных сведений для продолжения поисков¹.

К моменту получения письма я уже ознакомился с документами о крещении Бланков в Сампсониевском соборе Петербурга, а потому немедленно написал, что поиск ведется в правильном направлении. Практически сразу же, как только Д.В. Шмин получил мое письмо, между нами по его инициативе состоялся телефонный разговор. И как результат переговоров – письмо, отправленное в мой адрес 19 февраля 1965 г. с таким текстом:

«15 февраля с.г. Вам был направлен ответ за № 94 на Ваше письмо об А.Д. Бланке.

Ввиду допущенной нами ошибки, выразившейся в том, что ответ по столь важному вопросу мы отправили на Ваш домашний адрес, убедительно просим после ознакомления срочно возвратить нам наше письмо... Для продолжения дальнейших наших поисков Вам необходимо выслать в наш адрес официальное письмо учреждения, по поручению которого занимаетесь данным исследованием»².

Думаю, текст письма в комментариях не нуждается. Я вернул опасный документ в Житомирский архив и вскоре получил новый, за тем же номером и от того же числа. Только там уже не было упоминаний о М.И. Бланке и его сыне Абеле.

К сожалению, возврат мною письма не спас от наказания Д.В. Шмина и непосредственно выявившую документы о М.И.Бланке в Житомирском архиве Е.З. Шехтман – старшего научного сотрудника архива.

Решением Житомирского облисполкома они были освобождены от работы «за нарушение установленного порядка использования документальных материалов»³. Хотя вся их вина состояла в том, что они вовремя не догадались, какое отношение Мойша Ицкович Бланк имеет к деду В.И. – Александру Дмитриевичу Бланку. Е.З. Шехтман, ныне пенсионерка, случайно прочитав газету «Литератор» с моей ста-

ттей, прислала мне письмо, где подробно рассказывает об этом эпизоде. Правда, как она пишет, обоих «виноватых» быстро трудоустроили: ее – заведующей одной из городских детских библиотек, Шмина – заведующим библиотекой техникума механической обработки древесины⁴.

Еще до увольнения, 22 февраля, 1965 г. Д.В. Шмин, выполняя служебные обязанности, сообщил в Житомирский обком Компартии Украины и Архивное управление при СМ СССР о том, что в Житомирском архиве обнаружены материалы, касающиеся прадеда В.И. М.И. Бланка⁵. Житомирский обком поставил в известность Ленинградский обком о том, что Музей истории Ленинграда и М.Г. Штейн проявляют нездоровый интерес к документам, касающимся еврейских предков В.И., и попросил принять меры (о событиях в Ленинграде речь пойдет несколько позднее).

2. Шагинян продолжает борьбу

А в это время М.С. Шагинян боролась за то, чтобы получить разрешение на публикацию обнаруженных данных о переходе братьев Бланков в православие при переиздании книги «Рождение сына», ставшей первой частью романа «Семья Ульяновых». С этой целью она обратилась в Институт марксизма-ленинизма, который, в соответствии с постановлением ЦК КПСС от 11 октября 1956 г. «О порядке издания произведений о В.И. Ленине»⁶, имел право давать такое разрешение.

Одновременно с просьбой разрешить публикацию сведений о национальности А.Д. Бланка М.С. Шагинян сообщила, что эти документы выявил нештатный старший научный сотрудник Музея истории Ленинграда А.Г. Петров⁷ (о том, что независимо от А.Г.Петрова их выявил и я, она еще не знала). Немедленной реакции со стороны ИМЛ, директор которого академик П.Н.Поспелов был до 1961 г. кандидатом в члены ЦК КПСС и секретарем ЦК по идеологии, не последовало.

Но сообщение Житомирского обкома КПУ о том, что «страшную» государственную тайну знает достаточно широкий круг лиц, включая представителей еврейской национальности, в Ленинграде и Житомире, заставило партийно-государственную машину заработать на полную мощь-

ность. Был составлен перечень лиц, читавших дела, связанные с жизнью и деятельностью А.Д. Бланка, а также работников архивов, «виновных» в том, что выдали исследователям документы о еврейском происхождении А.Д. Бланка. В этот список попали М.С. Шагинян, А.Г. Петров, М.Г. Штейн, заместитель главного редактора журнала «Звезда» П.В. Жур, пенсионеры Д.З. Бурман и Т.П. Жакова-Басова, а также работники архивов Д.В. Шмин, Е.З. Шехтман, заведующая читальным залом ЦГИА СССР В.М. Меламедова, младший научный сотрудник ЦГИА СССР Б.М. Коган и заведующая читальным залом ГИАЛО Л.Е. Стрельцова.

А.Г. Петров по поручению Музея истории Ленинграда выявлял адрес последней квартиры А.И. Ульянова (этот поиск ему почему-то не инкриминировался) и квартир, в которых жил А.Д. Бланк (это оказалось тягчайшим преступлением).

Т.П. Жакова-Басова, правнучка А.Д.Бланка, занималась историей своей семьи.

Интерес П.В. Жура к А.Д. Бланку объясняется тем, что Т.Г. Шевченко, биографию которого он изучал, во время болезни в 1838 г. лежал на излечении в больнице Св. Марии Магдалины, где в это время работал А.Д. Бланк.

Д.З. Бурман в 1965 г. писал пьесу о юности В.И.

Б.М. Коган был обвинен в том, что он написал на основании найденных материалов о А.Д.Бланке статью и «помимо руководства ЦГИА, не говоря уже о ГАУ, вопреки заключе-

нию Института славяноведения (и его сотрудники таким образом узнали о том, какова национальность А.Д.Бланка! – *М.Ш.*) обратился в чехословацкое учреждение (какое именно, не указывается. – *М.Ш.*) с просьбой напечатать его статью»⁸.

Все перечисленные работники архивов были сняты со своих постов, директора архивов И.Н.Фирсов и Н.И. Ткаченко получили выговоры. Я же в конце февраля – начале марта 1965 г. оказался в кабинете заместителя заведующего отделом пропаганды и агитации Ленинградского обкома КПСС Ю.Н. Сапожникова. В разговоре со мной он порекомендовал перестать интересоваться А.Д. Бланком. «Мы вам не позволим позорить Ленина!» – заявил он мне, не моргнув глазом. От подобной фразы я опешил. Но тут же сообразил, что мой собеседник великолепно понимает не только оскорбительный для меня смысл сказанных слов, но и то, что жаловаться мне некуда. В вышестоящих партийных инстанциях скажут, что я клеветшу на ответственного работника, а заодно – являюсь сионистом. Тогда это словечко было в большой моде. Правда, те, кто его произносил, понятия не имели о подлинном смысле этого слова. В лучшем случае меня упекут в психушку, а может, и еще дальше. Сила была на стороне моего собеседника. Но я все-таки решил спросить: «А что, быть евреем – это позор?» – «Вам этого не понять», – последовал незамедлительный ответ. «А как же быть тогда с Марксом, ведь он тоже еврей?» – вновь задал

я вопрос. «К сожалению». И тут, наконец, спохватившись, что сказал лишнее, Ю.Н. Сапожников добавил: «Я вам рекомендую лучше заняться поисками героев войны, а мы со своей стороны посоветуем руководству архивов документы, касающиеся предков Ленина, вам не давать».

На этом мы и простились. Работу пришлось прервать. И я на целый год перестал ходить в архивы. А когда вновь пришел в ЦГИА СССР, то оказалось, что анкета исследователя, которую я заполнял при первом посещении архива и где в графе «Тема исследования» было указано «Жизнь и деятельность деда В.И. Ленина врача А.Д. Бланка», отсутствует. Я снова заполнил анкету с новой темой «Ленин и деятельность большевистского издательства «Вперед». Через несколько лет моя первая якобы потерянная анкета была прикреплена ко второй.

Разговором в обкоме дело для меня не закончилось. Был звонок на работу. По-видимому, звонили из обкома и дали директору техникума Н.Г. Сенских соответствующие рекомендации. Об этом я случайно узнал впоследствии от одного из сотрудников техникума. Однажды в разговоре, который не касался ни прямо, ни косвенно предков В.И., он шутя спросил меня, что я могу рассказать о докторе А.Д. Бланке. Я ответил: «Потомственный дворянин». Коллега рассмеялся и сказал: «Меня предупредили, что с вами нужно держать ухо востро по этому вопросу». Более мы данной проблемы не касались.

Прошло 25 лет. Я упомянул о Сапожникове в разговоре с одним моим знакомым, оказавшимся его однокурсником. Собеседник хитровато посмотрел на меня и спросил: «А вы знаете, кто по национальности бабушка Юрия Николаевича?» – «Нет, разумеется», – ответил я. «Еврейка!» И мы оба весело рассмеялись.

Но в 1965 г. мне было не до смеха. Не до смеха было и М.С. Шагинян. Разрешения на использование при переиздании «Семьи Ульяновых» она не получила. Очевидно, что это решение принимал не П.Н. Пospelов. Вряд ли рискнул взять на себя такую ответственность и сменивший П.Н.Поспелова на посту секретаря ЦК КПСС по идеологии академик Л.Ф. Ильичев. Подобное решение мог принять только член Президиума ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М.А. Сулов. Возможно даже, что вопрос рассматривался на заседании Президиума ЦК КПСС. М.С. Шагинян вызвали в ЦК КПСС и довели до ее сведения запрет на печатание документов.

Писательница, конечно, тогда не знала, что 5 июля 1965 г. начальник отдела использования документальных материалов Главархива СССР Б. Богатов составил справку, посвященную ее работе над образом В.И. Ленина. В ней он рассмотрел материалы заседаний президиума Союза советских писателей от 9 августа и 3 сентября 1938 г. и отметил, в частности, что, как стало известно из выступлений Фадеева, Ермилова, Катаева, Караваевой, Лозовского и Рокотова, «ЦК партии имел суждение по этому вопросу, осудил эту вещь,

указал ошибки»⁹. Единственное, что «забыл» сделать Б. Богатов, это написать в своей справке, что осуждавшее Шагинян постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 г. было признано неправильным в уже упоминавшемся постановлении ЦК КПСС от 11 октября 1956 г. Это, разумеется, не случайная ошибка. Богатову, а точнее тем, кто водил его пером, это постановление ЦК КПСС было помехой. Не имея возможности его отменить, они делали вид, что такого постановления просто не было. И Богатов уверенно писал, что, по его мнению, «роману-хронике М. Шагинян «Семья Ульяновых» (изд. «Молодая гвардия», Москва, 1958 г.) присущи те же недостатки в освещении семьи и родословной В.И. Ленина, которые отмечались Союзом советских писателей в 1938 г.»¹⁰.

У читателя может возникнуть вопрос в связи со справкой Богатова: неужели, несмотря на постановление 1956 г., Союз писателей не пересмотрел свои решения? Оказывается, нет. Они остались в силе. И это несмотря на высокую оценку романа специалистами, которые справедливо увидели в нем попытку противопоставить Ульяновых-небожителей – Ульяновым-людям, какими они были на самом деле. Постановления Союза советских писателей по роману «Семья Ульяновых» не были отменены даже после того, как в 1972 г. Шагинян за тетралогию «Семья Ульяновых» была удостоена Ленинской премии.

В письме ко мне от 24 октября 1967 г. М.С. Шагинян на-

зывала своей заслугой получение фотокопий с документов о происхождении АД. Бланка и его крещении и сохранение их для будущих историков. «Кроме всего прочего, – писала она, – приняла на себя удар за это. До сих пор он, этот удар, чувствуется в моей литературной судьбе. Но я надеюсь – люди поймут, какую подлую и глупую позицию по отношению к исторической истине они заняли, не соответствующую ни коммунизму, ни научной ясности»¹¹. При личной встрече она сказала мне, что ее за эту находку не наградили орденом к юбилею. После смерти Шагинян снятые ею фотокопии были изъяты из личного архива писательницы сотрудниками КГБ. Куда они поступили после этого, пока не известно. Главному редактору альманаха «Из глубины времен» А.В. Островскому удалось в РЦХИДНИ (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории – так называется сейчас бывший Центральный партийный архив) ознакомиться с фотокопией документов о крещении А.Д. Бланка, что же касается фотокопий материалов о его поступлении в академию, сотрудниками РЦХИДНИ было заявлено, что они ими не располагают. В фонде М.А. Ульяновой имеется специальное дело с документами о ее отце (948 листов), однако получить доступ к этому делу не удалось¹². Работники РЦХИДНИ, как и в былые времена, стоят на страже своих ведомственных интересов. Они и только они, по их глубокому убеждению, имеют право первыми печатать все, что касается В.И. Впрочем, такой точки зрения придерживаются

и работники некоторых других архивов.

Но вернемся к нашему рассказу. С А.Г. Петровым также была проведена «разъяснительная» работа. Однако его не вызывали в обком, а беседовали в Музее города¹³. После этого разговора А.Г. Петров перестал, так же, как и я, по крайней мере официально, заниматься А.Д. Бланком и даже уничтожил карточку о нем в своей богатой картотеке, переданной впоследствии в Музей истории Ленинграда.

Главархив СССР также принял меры. Заведующий архивным отделом Ленгороблисполкома П.В. Виноградов, как мне рассказывали, лично появился в ГИАЛО (ныне ЦГИА СПб) и изъял из дела «О переходе разных лиц в православие в 1820–1821 годах» фонда Петроградской духовной консистории страницы, касающиеся крещения Дмитрия и Александра Бланков. Копии, разумеется, оставлено не было. Но зато дана рекомендация перенумеровать страницы. Вместо этого ответственный хранитель В.Ф. Куликова вшила в дело дополнительный лист, на котором написала:

«Согласно устному распоряжению зав. арх. отд. Исполкома Ленгорсовета Виноградова П.В. подлинники (листов) лл. № 326–329, ед. хр. 632, оп. 17, ф.19 изъяты (без копирования) и направлены через арх. отд. в ГАУ при СМ СССР (Исх. № 65 от 22/ П-65). Отв. хран. фондов Куликова»¹⁴.

Лист использования из дела также был изъят, но сохранен. Когда редакция альманаха «Из глубины времен» обратилась к директору ЦГИА СПб с вопросом о судьбе документов о

крещении братьев Бланков и о том, кто читал эти материалы, в качестве ответа привели текст, написанный В.Ф. Куликовой, а также сообщили, что с указанными документами ознакомились А.Г. Петров (Музей истории Ленинграда), писательница М.С. Шагинян и преподаватель Ленинградского индустриального техникума М.Г. Штейн¹⁵.

Изъяв документы, П.В. Виноградов объявил всем виновным в том, что сведения о крещении А.Д. Бланка стали известны, выговоры. Л.Е. Стрельцова, заведовавшая читальным залом архива, была переведена на работу в отдел.

Виноградов, несомненно, с удовольствием выполнял миссию по изъятию компрометирующих, с его точки зрения и точки зрения таких, как он, В.И. документов. Это подтверждается его антисемитскими взглядами, о чем хорошо написал бывший сотрудник ЦГИА СССР и профессор кафедры Истории КПСС ЛГПИ им. А.И. Герцена доктор исторических наук Г.М. Дейч в вышедшей в США книге «Еврейские предки Ленина: неизвестные документы о Бланках». П.В. Виноградова он знал по работе в архиве. Работая после войны в ЦГИА СССР, Дейч попросил сотрудницу отдела кадров архива, с которой у него были хорошие отношения, подыскать работу в архиве для своей знакомой Г.М. Наспер. Та ответила, что сейчас нет свободных вакансий, но она будет иметь в виду эту просьбу. Прошло некоторое время. «Однажды, — вспоминает Г.М. Дейч, — на каком-то торжественном собрании в архиве я оказался за спиной сидевших впереди

моей знакомой (имеется в виду сотрудница отдела кадров. — *М.Ш.*) и П.В.Виноградова, и тут я оказался невольным слушателем их разговора. Виноградов спросил мою знакомую, нет ли у нее подходящего человека на должность старшего научного сотрудника в его архиве (если я не ошибаюсь, он тогда возглавлял филиал Военно-исторического архива в Ленинграде). Моя знакомая ему ответила, что есть такой человек, и назвала имя Галины Марковны Наспер. В ответ на это Виноградов сказал: «Она еврейка? Я евреев не беру!»¹⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.